

болезненный мальчик, весом чуть больше трех фунтов. "Не жилец" – вздыхали соседские старушки. Крепыш через полгода умер, а Василий, вопреки предсказаниям, выкарабкался и сумел шагнуть в большую жизнь.

Ближе познакомившись с судьбой самого писателя, начинаешь понимать, где истоки его творчества. Нелегкое довоенное детство... Переезды семьи из села нынешней Липецкой области в город Шахты, а затем в челябинский Копейск дали возможность Василию на практике изучить не только географию, но и многие человеческие судьбы.

Скажем, в Копейске пришлось жить рядом с бараками репрессированных крестьян, других "врагов народа". Это были очень трудолюбивые люди, "работяги", и не помышлявшие ни о какой "измене Родине". За что их сослали? Такой вопрос еще тогда мучил любознательного паренька. Позже он не раз поставит его в своих произведениях.

Или вот читаешь алексинскую прозу и поэзию и удивляешься: откуда он в его положении так хорошо знает природу, так тонко чувствует ее?. Да из тех же лет, когда в школу приходилось бегать за 9 километров — и через поле, и через лес, и в ведро и в непогоду...

Ускоренно завершил курс средней школы и поступил в институт.

Но главным событием была война, она уже не первый год бушевала на обширных просторах страны. Именно туда были устремлены помыслы Василия.

Это был 1943 год. В составе Уральского добровольческого корпуса Алексин прошел короткую подготовку и в качестве командира саперного отделения принял боевое крещение, потом был комсоргом роты. Повоевать пришлось недолго, в следующем году он выбыл из строя. Но иным и за всю войну не пришлось пережить того, что выпало на его долю.

Были и жестокие бои, и разведка в тылу врага, и блуждание по болотам в немецком окружении. А потом был день, после которого начался отсчет новой жизни, жизни-борьбы, ежечасной, изнуряющей, за самого себя, за право порой в невыносимых условиях утвердить собственное «я».

Как раз начиналась операция «Багратион», когда их взвод под Оршей получил приказ проделать в минных полях проходы для танков. Да не в спокойной обстановке, а под огнем врага, на хорошо пристрелянной местности. Двенадцать мин обезвредил сержант Алексин. Казалось, все - приказ выполнен. Но глянул в сторону – и в метре от себя обнаружил еще одну... тринадцатую. Потянулся рукой к взрывателю и... «сдетонировала от прогремевшего рядом взрыва», – успел подумать и провалился в темноту.

Из взвода в живых тогда осталось только трое. И среди них – не чудо ли? – Василий. Но ранение оказалось тяжелейшим – в лицо, руки, ноги. Госпитальные палаты надолго стали для него вынужденным пристанищем. Домой он вернулся без руки и почти совсем слепым.

Это теперь одной фразой можно обозначить этапы его послевоенной жизни – лечение в клинике Филатова в Одессе, в учреждениях Москвы, Свердловска, санатории, операции... Но утешительного было мало, ко всему прочему еще и постоянно жутко болела голова. Временами становилось легче, и тогда он тут же шел работать, без этого не мог.